

Светлана Кобец

# Есть ли жизнь в раю Босоногий мальчик



Светлана Кобец

**Есть ли жизнь в раю.  
Босоногий мальчик**

«Автор»

2026

## **Кобец С.**

Есть ли жизнь в раю. Босоногий мальчик / С. Кобец — «Автор», 2026

Можно ли найти рай на земле? И что делать, если однажды ты его действительно нашёл? Стас честно отработал своё на Колыме, построил уютный дом под Москвой и приготовился наслаждаться заслуженной пенсией. Но судьба предложила ему маршрут поинтереснее — в солнечный Таиланд, где его ждали взрослый сын, тёплое море, экзотические приключения и совершенно новая жизнь. Здесь он станет Босоногим мальчиком, научится отличать туристический рай от настоящей жизни, обзаведётся тайской дачей и обнаружит, что даже среди пальм человеку необходимы родные тапки. Это добрая, ироничная и удивительно живая история о семье, свободе, взрослении, любви и счастье без географических границ. В ней нет идеальных людей и готовых рецептов благополучия. Зато есть море, юмор, неожиданные открытия и простая истина: Рай может быть где угодно. Главное — не забыть в нём жить.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Предисловие                       | 5  |
| Рай за МКАДом                     | 7  |
| За тридцать морей                 | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

# Есть ли жизнь в раю. Босоногий мальчик

## Предисловие

Есть ли жизнь в раю?

Вопрос, конечно, странный.

Особенно если рай уже приобретён, обустроен, снабжён современной бытовой техникой, удобной кроватью с ортопедическим матрасом и холодильником, в котором всегда найдётся что-нибудь вкусное.

Казалось бы, живи и радуйся.

Тем более если ты честно отработал своё, вырастил сына, построил дом и наконец получил законное право никуда не торопиться.

Но у жизни, как выясняется, довольно своеобразное представление о заслуженном отдыхе.

Она совершенно не интересуется тем, что человек уже всё для себя решил.

Иногда достаточно одного телефонного сообщения, случайного разговора или чужого рассказа о далёком море, чтобы привычный мир неожиданно стал немного шире.

А там, за его границами, обнаруживаются другие дороги, другие люди, другие представления о счастье.

И даже другие способы приготовления рыбы.

Последнее, разумеется, особенно важно.

Эта книга — не путеводитель по Таиланду.

Хотя в ней будут моря, острова, тропические сады, удивительные животные, хорошие рестораны и места, которые не всегда найдёшь в туристическом буклете.

И не инструкция по достижению успеха.

Хотя успех здесь тоже присутствует.

Причём каждый из героев понимает его по-своему.

И уж совершенно точно это не руководство по поиску рая.

Слишком уж много людей пытались составить подобные инструкции.

Некоторые даже открывали по этому поводу семинары.

А рай всё равно упорно отказывался работать по утверждённой программе.

Наш герой — обыкновенный человек.

С характером.

Привычками.

Любимой семьёй.

Хорошим чувством юмора.

И весьма определёнными требованиями к качеству кровати.

Он не стремится изменить мир.

Не ищет просветления.

Не собирается становиться примером для подражания.

Ему просто нравится жить.

Иногда — за МКАДом.

Иногда — среди пальм.

Иногда — на берегу моря.

А иногда — в компании старых приятелей, которые способны за один вечер обсудить судьбы человечества, качество рыбалки и совершенно непонятную необходимость есть дуриан.

В этой истории никто не обязан быть идеальным.

Люди ошибаются.

Смеются.

Путаются в чужих обычаях.

Привыкают к новым обстоятельствам.

Порой совершенно не понимают друг друга.

А иногда неожиданно обнаруживают, что понимают без слов.

И всё-таки рядом с ними всегда остаётся нечто большее, чем страны, расстояния и различия характеров.

То, благодаря чему человеку хорошо не только там, куда он приехал, но и там, куда ему хочется возвращаться.

Мне бы не хотелось заранее рассказывать, что именно найдут герои этой книги.

Пусть они сами проживут свою историю.

А читатель, если захочет, немного поживёт рядом.

Посидит с ними у моря.

Посмеётся над очередной шуткой.

Выпьет чашку хорошего кофе.

Посмотрит на мир глазами человека, которому уже не нужно торопиться.

И, возможно, однажды задаст себе тот самый вопрос:

**Есть ли жизнь в раю ?**

Только отвечать на него сразу не стоит.

Некоторые ответы лучше всего приходят тогда, когда их перестают искать.

## Рай за МКАДом

Стас любил московские пробки.  
Это было несколько странное чувство, и признаваться в нём он не торопился.  
Москвичи пробки ненавидели.  
Обсуждали.  
Ругали.  
Пытались объехать дворами.  
Считали потерянным временем.  
Стас же относился к ним почти философски.  
Он никуда не опаздывал.  
Можно было включить музыку, устроиться поудобнее и медленно двигаться среди бесконечной вереницы жёлтых фонарей.  
В сумерках они растягивались впереди настоящей бриллиантовой россыпью.  
Стас знал толк в бриллиантах.  
Вернее, когда-то он знал толк в том, чем они были до того, как попадали под свет ювелирных витрин.  
Много лет его жизни осталось на Колыме.  
Среди рудников.  
Тяжёлой работы.  
Ранних подъёмов.  
И короткого северного лета.  
Там из земли доставали камни, которым ещё только предстояло стать чьей-то мечтой.  
Иногда Стасу казалось, что всё это время он тоже что-то добывал.  
Только не из породы.  
Из собственной жизни.  
Год за годом он откладывал деньги, растил сына, обустроивал нехитрый быт, работал и не особенно задавался вопросом, нравится ему всё это или нет.  
На такие вопросы у работающего человека вообще редко находится подходящее время.  
Утром нужно вставать.  
Вечером хочется спать.  
А между этими двумя событиями почему-то помещается почти вся жизнь.  
Зато теперь времени было много.  
Стас вышел на пенсию.  
Пенсия оказалась хорошей.  
Накопления — ещё лучше.  
А самое главное, однажды утром выяснилось, что будильник больше не является членом семьи.  
Стас выключил его и почувствовал себя свободным человеком.  
С Колымы семья перебралась в Подмоскowie.  
Москва Стасу нравилась, но жить в ней он не хотел.  
После многих лет в двухкомнатной квартире сама мысль о том, что за огромные деньги можно приобрести ещё несколько квадратных метров и несколько соседей за стеной, казалась ему сомнительным достижением цивилизации.  
Душе требовался размах.  
Поэтому за МКАДом появился дом.  
Не дворец.  
Стас вообще не любил бессмысленной роскоши.

Просто хороший, уютный дом, в котором наконец хватало места не только людям, но и их характерам.

Это оказалось важным.

Жанна была художницей.

Она могла часами говорить о свете, цвете, фактуре и каком-нибудь совершенно особенном оттенке серого, который Стас, сколько ни смотрел, считал обычным серым.

Теперь она ездила на выставки, встречалась с людьми, что-то обсуждала, куда-то улетала и возвращалась с каталогами, впечатлениями и новыми планами.

Сын Слава тоже искал своё место в жизни.

Правда, несколько иначе.

Он ездил на семинары, где его учили становиться успешным.

Стас относился к этому с уважением.

Особенно его забавляло, что за обучение успеху сын каждый раз исправно платил деньги.

Самого Стаса успеху никто специально не учил.

На Колыме методика была проще: если утром не вышел на работу, вечером успеха почему-то становилось меньше.

Но времена менялись.

Пусть учится.

Тем более деньги были.

И впервые за много лет у каждого из них появилось достаточно пространства для собственной жизни.

Стас особенно ценил гараж.

Гараж у него был и раньше.

Там собирались друзья, разговаривали, что-нибудь чинили, иногда долго обсуждали устройство государства, двигателя и семейной жизни.

Первые два обычно удавалось починить хотя бы теоретически.

С третьим всё было сложнее.

Но прежний гараж был способом ненадолго уйти из тесной квартиры.

Теперь уходить было некуда и незачем.

В доме была баня.

Был участок.

Был гараж.

Была кухня, где никто не запрещал открыть холодильник в одиннадцать вечера.

И была собственная комната.

С собственной кроватью.

Последнее Стас считал отдельным жизненным достижением.

Сколько он себя помнил, ему почему-то доставались диваны.

В детстве один.

Потом другой.

Потом семейная жизнь.

Колыма.

Двухкомнатная квартира.

Сын.

Необходимость постоянно учитывать чьё-то расписание, сон, телевизор, будильник, работу.

Диван был прекрасным изобретением человечества, если человечеству требовалось срочно разместить родственника.

Но спать на нём всю жизнь Стас больше не собирался.

Теперь у него была кровать.

Настоящая.

С хорошим ортопедическим матрасом.

Стас выбирал его обстоятельно, почти как когда-то выбирал машину.

Полежал на одном.

На другом.

На третьем.

Продавец терпеливо рассказывал про независимые пружины, зоны поддержки и анатомические свойства, а Стас думал только об одном:

*Вот ведь до чего дожил .*

Можно спать одному.

Причём одному — вовсе не означало одиноко.

Жанна прекрасно располагалась в своей комнате.

Там была шикарная кровать, покрывало с гобеленами, каталоги выставок, альбомы по живописи и тот особенный порядок, в котором Стас ничего не понимал и потому старался ничего не трогать.

Вечерами она могла часами рассматривать репродукции, читать, что-то записывать, выбирать выставки и строить планы.

Стас в это время лежал на своём ортопедическом достижении и переписывался с мужиками.

Мужики обсуждали всё.

Машины.

Рыбалку.

Цены.

Женщин.

Иногда устройство мира.

Здоровье они не обсуждали принципиально, хотя именно эта тема постепенно занимала всё больше места между машинами и рыбалкой.

Кто-нибудь присылал фотографию.

Кто-нибудь — мем.

Иногда начинался спор, смысл которого терялся примерно на двадцатом сообщении, но расходиться никто не собирался.

Стасу нравилось.

Можно было в любой момент положить телефон рядом, перевернуться на другой бок и уснуть.

Никто не спрашивал:

— Ты долго ещё?

Это и была свобода.

Слава тоже располагал собственной комнатой и собственной жизнью.

Оттуда периодически доносились голоса людей, объяснявших, как достичь успеха, поставить цель, правильно сформулировать намерение и выйти на новый уровень.

Сын слушал внимательно.

Потом обсуждал услышанное с такими же будущими успешными людьми.

Стас не вмешивался.

Успех сына пока находился преимущественно в проекте, но проект развивался бурно.

Картины Жанны тоже не особенно торопились продаваться.

Зато прекрасно украшали флигель.

Стаса это совершенно не беспокоило.

Пусть.

Даже хорошо.

Деньги в доме были.  
Пенсия приходила исправно.  
Накопления работали.  
Дом был выплачен.  
Машина стояла в гараже.  
Холодильник никогда не задавал лишних вопросов.  
А самое приятное — всё это когда-то появилось благодаря ему.  
Иногда Стас оглядывал дом и испытывал тихое, вполне законное удовольствие.  
*Я хозяин положения .*

Не хозяин жены.

Не хозяин сына.

С этим Стас давно разобрался: Жанна и Слава принадлежали исключительно самим себе и иногда даже слишком убедительно это демонстрировали.

Он был хозяином положения.

Вот этого дома.

Этой устроенной жизни.

Возможности не считать дни до зарплаты.

Права утром открыть глаза и самому решить, вставать сейчас или ещё полчаса полежать.

После Колымы подобные вещи вообще воспринимались иначе.

Когда много лет живёшь по сменам, свобода оказывается не философским понятием.

Свобода — это когда утром можно не вставать.

Когда за окном плохая погода, а тебе всё равно.

Когда кофе можно допить горячим.

Когда никто не ждёт тебя к определённому часу.

И когда твоя кровать вечером остаётся ровно в том состоянии, в каком ты её оставил утром.

Стас был счастлив.

Не громко.

Не так, чтобы однажды встать посреди гостиной и объявить семье:

— Я счастлив!

Семья могла неправильно понять и начать задавать вопросы.

Нет.

Это было спокойное мужское счастье человека, который долго что-то строил и наконец отошёл на несколько шагов посмотреть, что получилось.

Получилось хорошо.

Жанна занималась тем, что любила.

Слава учился становиться успешным.

Стас уже стал.

По крайней мере, сам он никаких особенных сомнений по этому поводу не испытывал.

Иногда среди недели Стас садился в машину и ехал в Москву без всякой особенной причины.

Просто ехал.

А вечером возвращался домой и попадал в пробку.

Вокруг стояли хорошие машины.

В них сидели серьёзные люди, разговаривали по телефону, нервничали, перестраивались из ряда в ряд и пытались выиграть у судьбы три корпуса.

Стас никуда не перестраивался.

Он включал музыку и улыбался.

Ему нравилось думать, что московская пробка — это своеобразный клуб успешных людей.

Чтобы попасть сюда, сначала нужно было заработать хотя бы на машину.

А потом — достаточно денег, чтобы иметь возможность несколько часов никуда на ней не приехать.

Жёлтые фонари трассы тянулись вдоль дороги и немного напоминали Стасу огни шахты. Только там к свету нужно было идти, чтобы работать.

А здесь — чтобы ехать домой.

Разница была существенная.

Где-то далеко, на Колыме, начиналась очередная смена.

Люди надевали рабочую одежду, спускались туда, где из породы предстояло достать очередную россыпь будущих драгоценностей.

А он сидел в тёплой машине.

Играл саксофон.

В подстаканнике был кофе.

За стеклом моросил дождь.

Навигатор обещал ещё пятьдесят две минуты до дома.

— Красота, — говорил Стас.

И это не было иронией.

Он действительно так думал.

Можно было просто ехать.

Пить кофе.

Слушать музыку.

Смотреть в окно.

Жить.

Прекрасное время для жизни.

Навигатор сообщал, что впереди очередное затруднение движения.

Стас устраивался поудобнее.

Ну конечно.

Клуб успешных собирался на вечернее заседание.

В один из таких вечеров мужики обсуждали Пхукет.

Началось всё вполне невинно.

Один из старых приятелей Стаса сообщил в общий чат, что купил путёвку и через неделю отправляется греться на солнышке.

Новость была встречена оживлённо.

Мужчины вообще любят путешествия.

Особенно чужие.

И особенно те, до которых остаётся ещё неделя.

В этот период можно совершенно бесплатно побывать где угодно, дать множество полезных советов и даже избежать неприятных последствий их применения.

Сначала обсудили погоду.

Потом одежду.

Выяснилось, что одежда для поездки в тропики — вопрос гораздо более сложный, чем представлялось человеку, всю жизнь просто надевавшего то, что соответствовало температуре за окном.

Проблема заключалась в том, что вылетал приятель зимой.

Следовательно, в аэропорт нужно было приехать одетым.

А выйти из самолёта предстояло уже при плюс тридцати.

Некоторое время чат решал эту задачу коллективно.

Предлагалось оставить дублёнку провожающим.

Провожающих не было.

Сдать её в камеру хранения.

Лететь обратно предстояло через две недели, а стоимость хранения после приблизительных подсчётов заставила задуматься, не проще ли купить по возвращении новую дублёнку.

Кто-то предложил ехать в аэропорт сразу в шортах.

Предложение было признано мужественным, но несвоевременным.

Наконец сошлись на том, что тёплые вещи следует сложить в отдельную сумку.

Тут возник новый вопрос:

*Когда именно переодеваться ?*

До паспортного контроля?

После?

До получения багажа на Пхукете?

Но тогда куда девать зимнюю одежду в самолёте?

После получения багажа?

А если очередь?

Вопрос оказался серьёзным.

— Ты пойми, — писал один из друзей, — выйдешь там в дублёнке, а на улице тридцать. Пока паспортный пройдёшь, пока чемодан получишь — всё. Отдых испорчен.

Стас прочитал сообщение ещё раз.

Поразмышлял.

Логика в этом была.

Как отдых начнётся, так и пойдёт.

Следующие двадцать минут мужчины решали проблему правильного перехода из зимы в лето.

Потом перешли к фруктам.

Здесь обнаружилось, что человечество выращивает огромное количество плодов, названия которых взрослые образованные мужчины прежде не считали необходимым знать.

Особенно всех заинтересовал дуриан.

После краткого знакомства с предметом Стас написал:

— Зачем?

Ему объяснили.

Стас прочитал.

— Всё равно зачем?

Убедительного ответа не последовало.

Зато появились фотографии.

За фотографиями последовали рассказы людей, которые когда-то что-то слышали от людей, лично знавших человека, который пробовал настоящий тайский дуриан.

Потом разговор естественным образом перешёл к массажу.

Стас отложил телефон.

Некоторые области человеческого знания прекрасно развиваются без постороннего участия.

Минут через десять он всё-таки посмотрел.

Зря.

Мужчины уже добрались до тех глубинных особенностей предстоящего путешествия, которые ни один приличный рассказчик пересказывать не станет.

Стас усмехнулся.

Пионеры.

Ему вся эта суета казалась немного смешной.

Неделю собираться.

Потом лететь несколько часов.

Переодеваться.

Проходить паспортный контроль.

Искать чемодан.

Привыкать к жаре.

Потом две недели куда-то ездить, что-то смотреть, обязательно пробовать фрукты, которые дома даже по названию не вызывают аппетита, фотографироваться возле моря и считать, сколько дней осталось до обратного самолёта.

А потом снова чемодан.

Аэропорт.

Самолёт.

Зима.

И дублёнка, если к тому времени удастся вспомнить, в какую сумку её положили.

— Суета, — сказал Стас.

Телефон продолжал подавать признаки бурной жизни.

Друг уже прислал фотографию купленных шорт.

Шорты немедленно подверглись коллективной экспертизе.

Один участник чата счёл их слишком длинными.

Другой — слишком короткими.

Третий спросил, зачем человеку вообще шорты, если в Таиланде можно купить другие.

Стас решил не вмешиваться.

Ему и здесь было хорошо.

Хочешь тайскую кухню — пожалуйста.

Итальянскую — через двадцать минут на машине, если пробок нет, и через полтора часа, если Москва решила, что сегодня тебе полезнее русская.

Хочешь людей — езжай в город.

Не хочешь людей — закрывай ворота.

Хочешь баню — вот она.

Хочешь хорошую кровать — даже ехать никуда не надо.

Стас оглядел свою комнату.

Большой телевизор.

Удобное кресло.

Ортопедический матрас.

За дверью — целый дом.

В гараже — машина.

В холодильнике имелось всё необходимое для того, чтобы достойно встретить футбольный матч.

И ради чего, спрашивается, человеку добровольно покидать настолько удачно организованный рай?

Телефон снова звякнул.

— Братцы! — написал будущий путешественник. — Через неделю буду пить пиво под пальмой!

Стас улыбнулся.

*Лети, птенчик.*

Он даже немного завидовал приятелю.

Той самой доброй завистью, при которой совершенно не хочется оказаться на его месте.

Пусть погрееется.

Пусть посмотрит мир.

Пусть потом расскажет.

Четырнадцать дней.

Стас покачал головой.

По его глубокому убеждению, за четырнадцать дней нормальный человек успевал только понять, где находится.

— Акклиматизация у тебя две недели займёт, — написал он наконец. — Вернёшься как раз отдохнувшим от отдыха.

Чат ответил хохочущими рожицами.

Стас не собирался портить человеку предвкушение путешествия.

Мечта — вещь хорошая.

Особенно чужая.

Он положил телефон, сходил на кухню, налил себе немного того, что особенно хорошо сочеталось с отсутствием будильника на следующее утро, принёс тарелку с закуской и устроился перед большим экраном.

Начинался футбол.

Вот это было другое дело.

Стас вообще считал футбол одним из наиболее разумных изобретений человечества.

Правила понятны.

Цель определена.

Ворота стоят на своих местах.

Даже если двадцать два взрослых человека полтора часа не могут добиться нужного результата, никто не предлагает им посетить семинар по достижению успеха.

Стас прибавил звук.

Матч обещал быть хорошим.

За окном было холодно, а на экране — лето.

Он снова вспомнил Пхукет.

В Таиланде ведь тоже лето.

Практически всегда.

Для футбола это удобно.

Можно играть круглый год.

Не нужно чистить поле от снега.

Ждать весны.

Мёрзнуть на трибунах.

Стас попытался вспомнить, когда последний раз видел тайскую сборную в серьёзной турнирной таблице.

Не вспомнил.

Это несколько озадачивало.

При таком количестве лета можно было бы уже научиться.

Наверное, что-то там было не так.

Стас сделал глоток, подумал ещё немного и нашёл вполне удовлетворительное объяснение.

Аграрная страна.

Что с них взять.

На этом геополитический анализ тайского футбола был закончен.

Стас удобнее устроился в кресле.

На экране кто-то красиво прошёл по левому флангу.

Комментатор оживился.

Стадион загудел.

Вот это жизнь.

Никуда не надо лететь.  
Никаких дублёнок в отдельных сумках.  
Никакой акклиматизации.  
Футбол на большом экране, хороший напиток, собственный дом и целое завтрашнее утро, которое можно начать тогда, когда захочется.  
Телефон снова звякнул.  
Стас мельком посмотрел.  
Теперь кто-то выяснял, какие розетки в Таиланде.  
Он усмехнулся и перевернул телефон экраном вниз.  
Пусть разбираются.  
У него шёл футбол.  
А Пхукет пока вполне устраивал Стаса там, где находился.  
На другом конце света.  
Пхукет оставался на другом конце света, а жизнь тем временем продолжалась на этом.  
И продолжалась, надо сказать, вполне успешно.  
Стас по-прежнему состоял в клубе успешных людей, регулярно посещая его вечерние заседания на московских трассах.  
Пробки никуда не исчезли.  
Музыка играла.  
Кофе помещался в подстаканнике.  
А Стас всё так же никуда особенно не торопился.  
Мужики тоже были на месте.  
Чат просыпался раньше Стаса и засыпал позже.  
За день там успевали обсудить футбол, машины, цены, рыбалку, поездки и дальнейшие планы человечества.  
Иногда человечество о своих планах даже не подозревало, но мужики уже знали, где оно ошибается.  
Перемены тем временем произошли в собственной семье.  
Слава наконец нашёл свою формулу успеха.  
После многочисленных семинаров, вебинаров, тренингов и разговоров о личностном росте выяснилось, что для достижения успеха иногда всё-таки приходится пойти работать.  
Слава выбрал сферу гостеприимства.  
Английский у него был хороший.  
Общаться он любил.  
Рассказывал интересно.  
Поэтому довольно быстро начал сопровождать туристические группы по городам Золотого кольца.  
Особенно удачно складывалась работа с иностранцами.  
Стас новость одобрил.  
Не столько потому, что сын наконец начал зарабатывать, сколько потому, что теперь слово «успех» в его комнате стало звучать немного реже.  
Жанна тоже неожиданно получила от новой профессии сына собственную выгоду.  
Она стала ездить вместе с ним.  
Пока Слава рассказывал туристам про монастыри, кремли, князей и события давно минувших веков, Жанна исчезала с фотоаппаратом и альбомом.  
Её интересовало другое.  
Старинные дома.  
Окна.  
Наличники.

Церкви.  
Заброшенные деревни.  
Покосившиеся заборы и калитки, за которыми уже давно никто никого не ждал.  
Она фотографировала.  
Делала зарисовки.  
Привозила домой новые альбомы.  
А потом надолго исчезала в своём флигеле.  
Постепенно стены там заполнялись совсем другой Россией.  
Тихой.  
Немного забытой.  
С выцветшими фасадами, травой возле старых домов и дорогами, уходящими неизвестно куда.  
Картины по-прежнему продавались неохотно.  
Стаса это устраивало.  
Флигель становился всё красивее.  
— Хорошая коллекция, — говорил он.  
Жанна смотрела на него поверх очков.  
— Это не коллекция. Это серия.  
— Тем более.  
Своя выгода от профессионального роста Славы обнаружилась и у Стаса.  
Иностранным туристам иногда хотелось русской рыбалки.  
Вот здесь экскурсовод Слава оказался бессилён.  
Знать английский язык — ещё не значит уметь правильно объяснить иностранцу, почему человек может несколько часов молча смотреть на поплавок и считать этот день прекрасно проведённым.  
Понадобился специалист.  
Специалист жил в соседней комнате.  
Так Стас совершенно неожиданно для себя стал экспертом по русской рыбалке.  
Ему понравилось сразу.  
Во-первых, рыбалка была платная.  
Во-вторых, платил не он.  
В-третьих, условия были такие, какие Стас в прежние времена рыбалкой, возможно, вообще не признал бы.  
Хорошие мостки.  
Удобный подъезд.  
Домики.  
Снасти.  
Беседка.  
Подготовленное место для костра.  
Но с возрастом человек становится терпимее к недостаткам цивилизации.  
Стас не возражал.  
Он приезжал вместе со Славой, здоровался с иностранными гостями и приступал к своим экспертным обязанностям.  
Английский Стаса первоначально состоял из нескольких слов, уверенной интонации и помощи сына.  
Но рыбалка вообще не требует чрезмерного красноречия.  
— Fish, — говорил Стас, показывая на воду.  
Иностранцы согласно кивали.  
— Big fish.

Кивали ещё охотнее.  
Дальше начиналась практика.  
Постепенно английский Стаса становился лучше.  
А навыки русской рыбалки у иностранных гостей — значительно разнообразнее.  
Одной рыбой дело, конечно, не ограничивалось.  
Настоящая рыбалка в представлении Стаса была не способом добычи пищевого продукта.  
Это был культурный комплекс.  
Обязательная уха.  
Рюмка водки.  
Костёр.  
Разговор.  
И, разумеется, полено.  
Когда уха была почти готова, Стас доставал из костра небольшое горящее полено и гасил его прямо в котелке.  
Первый раз иностранцы смотрели на него с некоторым беспокойством.  
Стас сохранял полное спокойствие.  
— Russian tradition, — объяснял он.  
Этого обычно хватало.  
Иностранцы доставали телефоны.  
Стас гасил полено.  
Слава переводил что-то про аромат костра и старинный способ приготовления.  
Насколько старинным был этот способ, Стас не уточнял.  
Традиция должна иметь некоторую тайну.  
После ухи становилось веселее.  
Английский Стаса заметно улучшался.  
Русский язык иностранных гостей — тоже.  
К вечеру выяснялось, что для взаимопонимания народов мира слов вообще требуется удивительно мало.  
Потом начинались песни.  
Каким образом иностранный турист, ещё утром не знавший ни одного русского слова, вечером оказывался возле костра и пытался подпевать, Стас объяснить не мог.  
Наверное, гостеприимство.  
Или уха.  
Особенно гости любили говорить о русских женщинах и русской кухне.  
Вот эти темы Стас поддерживал охотно.  
— Russian women — beautiful!  
— Yes! — соглашался Стас.  
— Russian food — very good!  
— Yes!  
На этом, по мнению Стаса, международный диалог вполне мог считаться состоявшимся.  
Иногда иностранцы пытались перейти к другим вопросам.  
Стас немедленно переставал понимать английский.  
— Sorry. My English is very bad.  
Слава смотрел на отца и прекрасно знал, что ещё час назад его английский был значительно лучше.  
Но профессиональная этика экскурсовода не позволяла разоблачать эксперта.  
К тому же Стас действительно считал, что далеко не всякий вопрос нуждается в ответе.  
Русские женщины красивые.

Русская еда вкусная.

Рыба ловится.

Уха готова.

Что ещё требуется для успешных международных отношений?

Особенно Стас полюбил фотографии после таких поездок.

Большая рыба в руках.

Река.

Лес.

Иногда довольный иностранец рядом.

Фотографии немедленно отправлялись в мужской чат.

— Вот, — писал Стас.

И ждал.

Долго ждать обычно не приходилось.

— Где?

— На что взял?

— Сколько весит?

— Сам поймал?

Последний вопрос Стас считал оскорбительным.

— Нет. Купил в магазине и привёз сфотографироваться.

После этого начиналось настоящее обсуждение.

Стас лежал на своём ортопедическом матрасе, рассматривал завистливые комментарии и чувствовал, что жизнь определённо вышла на новый уровень.

Теперь он был не просто пенсионером.

Не просто хозяином дома за МКАДом.

Не просто членом клуба успешных.

Он был ещё и экспертом международного уровня по русской рыбалке.

Звучало хорошо.

Слава наконец занимался настоящим делом.

Жанна путешествовала, рисовала и привозила домой новую красоту.

Сам Стас ездил по живописным местам, бесплатно ловил рыбу там, где другие за это платили деньги, понемногу учил английский и обучал иностранцев важнейшим особенностям русской жизни.

Новая эпоха ему нравилась.

Иногда, возвращаясь домой, он смотрел из окна машины на лес, поля, деревни, потом вливался в знакомый поток возле Москвы и снова видел впереди жёлтые фонари.

Стас улыбался.

Получалось, что жизнь после пенсии не закончилась.

Она наконец перестала торопиться.

И от этого в ней обнаружилось столько всего, на что раньше просто не хватало времени.

Дом.

Дороги.

Рыбалка.

Семья.

Мужики в телефоне.

Собственная кровать.

И завтрашний день, который пока совершенно не требовал никаких великих решений.

Все были заняты.

Все были довольны.

Каждый жил своей жизнью.

И, пожалуй, впервые за много лет эти разные жизни никому не мешали быть семьёй.  
Стас считал, что устроился очень неплохо.

И был прав.

А жизнь Славы тем временем выходила на новый уровень успеха.

Причём теперь уже без всякой иронии.

На работе он зарекомендовал себя хорошо.

Английский, общительность и способность не теряться среди людей оказались вполне востребованными качествами.

Через некоторое время руководство предложило ему работать за границей.

Работа была интересная.

Где сезон — там и Слава.

Турция.

Египет.

Отели.

Экскурсии.

Туристические группы.

Аэропорты.

Автобусы.

И люди, которые прилетели отдохнуть и поэтому особенно нуждались в человеке, способном объяснить, куда им идти, что смотреть и почему автобус, обещанный десять минут назад, обязательно приедет.

Слава согласился.

Жанна тоже быстро обнаружила в новой географии сына возможности для собственного творчества.

Теперь вместо старых русских домов появились белые стены, море, узкие улочки, восточные рынки, лодки, лица, ткани, специи и совсем другой свет.

Особенно свет.

О нём Жанна могла говорить долго.

Стас обычно соглашался.

Свет действительно был.

И его было много.

Постепенно Жанна стала не только фотографировать для себя, но и устраивать фотосесии туристам.

Оказалось, что человек, приехавший к морю, хочет увезти домой доказательства того, что у моря он был особенно красив.

Жанна умела эти доказательства создавать.

Стас тоже не остался без дела.

Туристическое гостеприимство семьи разрасталось, и его экспертные знания снова оказались востребованы.

Походы.

Выезды на природу.

Рыбалка, когда позволяли место и программа.

Правда, довольно быстро обнаружилась одна неприятная подробность.

Стас прекрасно разбирался в русской рыбалке.

Море об этом ничего не знало.

Снасти были другие.

Рыба — другая.

Лодки — другие.

Даже горизонт выглядел подозрительно свободным: ни тебе противоположного берега, ни камышей, ни привычного места, куда можно уверенно показать пальцем и сказать:

— Вот там должна стоять.

Пришлось учиться.

Стас учился охотно.

После колымских рудников его вообще трудно было напугать необходимостью освоить что-нибудь новое.

Он присматривался.

Расспрашивал.

Несколько раз ошибался.

Потом разобрался.

Морская рыбалка была признана достойной.

Хотя, по мнению Стаса, ей немного не хватало правильной организации.

Организацию он постепенно наладил.

Костёр на море удавалось устроить не всегда.

Уху — тоже.

А уж полено, которое полагалось погасить в готовой ухе, вообще оказалось традицией, плохо приспособленной к некоторым туристическим программам.

Стас не настаивал.

Он был человеком гибким.

Если русскую традицию невозможно было воспроизвести полностью, её следовало адаптировать к местным условиям.

Главное — сохранить дух.

Что именно являлось духом русской рыбалки, Стас формулировал по-разному, в зависимости от компании и времени суток.

Иностранные гости слушали его с интересом.

Английский Стаса тем временем тоже развивался.

Особенно быстро рос словарный запас, связанный с рыбой, погодой, лодками, едой и объяснением того, почему именно сегодня улов оказался меньше ожидаемого.

Последняя тема, как выяснилось, вообще не требовала хорошего английского.

Рыбаки всего мира понимали друг друга.

Постепенно Стас привнёс свой колорит русской рыбалки и на нерусские моря.

Фотографии теперь стали ещё эффектнее.

Стас на фоне Средиземного моря.

Стас с удочкой.

Стас в лодке.

Стас с рыбой, название которой мужики в чате немедленно начинали уточнять.

Иногда уточнение длилось дольше самой рыбалки.

— На что взял?

Стас подробно отвечал.

— Сколько весит?

Отвечал.

— А это точно ты поймал?

Вот здесь международный эксперт по рыбалке снова становился человеком с Колымы.

— Нет. Она сама попросилась сфотографироваться.

Чат оживал.

Жизнь семьи постепенно приобрела сезонность.

Где-то начиналось лето.

Где-то заканчивалось.

Где-то открывался туристический сезон.  
Где-то появлялась новая работа у Славы, новый свет для Жанны и новая рыба для Стаса.  
Дом за МКАДом всё чаще оставался один.  
Сначала на неделю.  
Потом на две.  
Потом дольше.  
Он исправно ждал своих хозяев.  
Ждал баня.  
Ждал гараж.  
Ждал любимая Стасова кровать с ортопедическим матрасом.  
Особенно терпеливо ждал большой телевизор.  
Когда-то по вечерам перед ним кипела настоящая жизнь.  
Стас вскакивал после гола, спорил с судьёй, давал тренеру совершенно бесплатные советы и подробно объяснял игрокам, у кого из них откуда растут ноги.  
Теперь футбол шёл без него.  
Телевизор хранил молчание.  
Никто не возмущался.  
Никто не комментировал.  
Никто не объяснял защитнику, куда следовало смотреть.  
Можно сказать, футбол несколько потерял в качестве.  
Сам Стас этого почти не замечал.  
У него теперь были настоящие моря.  
Настоящие лодки.  
Новая рыба.  
Новые дороги.  
Новые люди.  
Иногда вечером он сидел где-нибудь далеко от дома, смотрел, как солнце опускается в море, и открывал мужской чат.  
Мужики были на месте.  
Кто-то обсуждал футбол.  
Кто-то присылал очередной мем.  
Кто-то жаловался на погоду.  
Стас отправлял фотографию моря.  
Через несколько секунд появлялось:  
— Хорошо устроился.  
Стас смотрел вокруг.  
Море.  
Тёплый вечер.  
Где-то неподалёку Жанна разбирала фотографии.  
Слава занимался туристами.  
Он улыбался.  
Да.  
Устроился хорошо.  
Дом за МКАДом когда-то подарил ему свободу.  
А теперь выяснилось, что свобода вовсе не обязана всё время находиться дома.  
Стасу это открытие понравилось.  
Кровать, конечно, была прекрасная.  
Но, как оказалось, хороший ортопедический матрас — ещё не повод проводить на нём всю пенсию.

Тем временем география Славиного успеха продолжала расширяться.

К Турции и Египту добавилось новое направление.

Таиланд.

Тот самый.

Стас даже не сразу придал этому значение.

Когда-то один из мужиков уже летал на Пхукет, тщательно готовился к переходу из дублёнки в шорты, изучал фрукты и обещал после возвращения подробно рассказать обо всём.

Вернулся он довольный.

Фотографий привёз много.

Море было красивое.

Пальмы имелись.

Дуриан попробовал.

О некоторых приключениях рассказывал охотно, о других — с загадочной улыбкой, совершенно не способствовавшей сохранению серьёзности в мужском чате.

Но с морской рыбалкой вышла какая-то ерунда.

То ли не поехал.

То ли погода подвела.

То ли организовали не так.

Стас подробностей уже не помнил.

Запомнил главное:

Рыбалки не получилось.

Теперь, когда Слава сообщил, что начинает работать ещё и в Таиланде, этот давний про-бел неожиданно приобрёл почти профессиональное значение.

— А рыбалка там есть? — спросил Стас.

Слава посмотрел на отца.

Вопрос был ожидаемый.

Рыбалка была.

Более того, для русских туристов предлагались морские рыболовные туры.

Стас заинтересовался.

Начал смотреть фотографии.

Потом видео.

Потом читать.

Потом задавать вопросы Славе, на которые тот пока не знал ответов.

Через несколько дней отец и сын пришли к единодушному заключению:

Брешь необходимо закрыть.

Слава работал с людьми, которые приехали отдыхать.

Среди них хватало тех, кому одного пляжа было мало.

Хотелось моря не с берега, а из лодки.

Хотелось снастей.

Азарта.

Настоящей рыбалки.

И желательно человека рядом, который способен объяснить происходящее по-русски.

Стас подходил почти идеально.

Гидом он не был.

И не собирался.

Ему вообще не нравилось слово «гид» применительно к себе.

Гид должен знать даты, маршруты, правила и вовремя пересчитывать людей перед отправлением автобуса.

Стас был другим.

Добрый попутчиком.

Человеком, который мог оказаться рядом в лодке, помочь разобраться со снастью, поговорить с местными рыбаками на своём постепенно совершенствующемся международном рыбацком языке и объяснить соотечественнику, что море — это та же рыбалка, только воды больше.

После Турции и Египта морская рыбалка уже не казалась ему чем-то экзотическим.

Нерусские моря Стас постепенно осваивал.

Теперь предстояло освоить ещё одно.

Жанна отнеслась к новому направлению спокойно.

Лететь в Таиланд она не собиралась.

Во всяком случае, пока.

У неё уже прекрасно складывалась собственная схема жизни между Турцией, Египтом и домом за МКАДом.

Фотосессии пользовались спросом.

Но ещё больше Жанне нравилось рисовать людей.

Оказалось, что счастливый человек на отдыхе охотно заказывает собственный портрет.

Особенно если на портрете он выглядит именно таким, каким запомнил себя в отпуске.

Жанна рисовала людей у моря.

На фоне белых стен.

Восточных рынков.

Старых улочек.

Иногда к ней приходили иностранцы.

Потом ещё.

Потом кто-то из них купил одну из её готовых работ.

За первой ушла вторая.

Картины, которые годами спокойно украшали флигель, неожиданно выяснили, что у них существует ещё одно предназначение.

Их можно продавать.

Это открытие порадовало всех.

Жанну — потому что её работы находили своих людей.

Славу — потому что успех матери прекрасно вписывался в его представления о правильно выбранном направлении развития.

Стаса — потому что слово «художница» наконец начало иногда сопровождаться словом «доход».

Он, конечно, никогда не возражал против её занятий.

Но одно дело — прекрасная картина во флигеле.

И совсем другое — прекрасная картина во флигеле, за которую кто-то готов заплатить.

Стас умел ценить искусство в разных его проявлениях.

Жизнь семьи окончательно перестала помещаться в одном доме.

Слава колесил по странам.

Стас всё чаще ездил вместе с ним.

Жанна иногда присоединялась к своим мужчинам, а иногда совершенно спокойно оставляла их осваивать очередное море и погружалась в собственную работу.

Мужчины не возражали.

Они присылали фотографии.

Жанна отвечала:

— Стас, не стой против солнца.

Следующая фотография.

— Горизонт завалили.

Ещё одна.

— Слава, отойди на два шага иними отца нормально.

Стас начинал подозревать, что расстояние никак не влияет на способность жены руководить процессом.

Он послушно отходил.

Слава менял ракурс.

Фотография снова отправлялась Жанне.

— Уже лучше.

Это считалось похвалой.

Иногда она просила поймать другой свет.

Мужчины терпеливо ждали.

Рыба относилась к художественным требованиям Жанны значительно менее ответственно и подходящего света не учитывала.

Но семейная жизнь вообще требует компромиссов.

Жанна обещала:

— В следующий сезон обязательно поеду с вами.

Слава не торопил.

У него уже появился новый проект.

Если Таиланд становился постоянным направлением, нужно было подготовить там место и для матери.

Он присматривался.

Знакомился с людьми.

Узнавал, где Жанна сможет работать, кому могут понадобиться фотосессии и портреты, как устроить всё так, чтобы следующий сезон семья могла провести вместе.

Сын, которого когда-то учили на вебинарах искать возможности, теперь находил их сам.

Стас этого вслух не говорил, но был доволен.

Пожалуй, даже гордился.

Получалось, что семинары всё-таки не прошли даром.

Тем временем приближался первый тайский сезон.

Жанна оставалась в Египте.

Там были клиенты.

Работа.

Море.

И возможность довольно быстро вернуться в своё московское гнёздышко за МКАДом, где её ждали флигель, картины и привычная жизнь.

А Стас со Славой собирались дальше.

В Таиланд.

На этот раз вопрос, в какую сумку положить тёплые вещи, Стаса уже совершенно не занимал.

Он давно научился переходить из зимы в лето без участия мужского совета.

Шорты тоже имелись.

Морские снасти были изучены.

Английский позволял разговаривать о самом необходимом.

О рыбе — вполне свободно.

О погоде — уверенно.

О женщинах и еде — почти без переводчика.

На остальные темы по-прежнему существовала универсальная фраза:

— Sorry. My English is very bad.

Стас считал, что к поездке готов.

Перед вылетом он написал мужикам:

— Поехал проверять вашу тайскую рыбалку.

Ответ пришёл почти сразу:

— Дуриан не забудь.

Стас посмотрел на сообщение.

Столько лет прошло, а человечество продолжало возвращаться к вопросам, на которые он давно дал исчерпывающий ответ.

— Зачем?

Телефон наполнился смеющимися рожицами.

Стас убрал его в карман.

Пхукет всё это время спокойно находился на другом конце света.

Теперь Стас впервые собирался посмотреть, что там такое.

## За тридевять морей

Морями Стаса теперь было трудно удивить.

Ещё несколько лет назад само словосочетание «морская рыбалка» звучало для него немного подозрительно.

Рыбалка должна была иметь берег, камыши, знакомую воду и место, про которое можно уверенно сказать:

— Вон туда кидай.

Теперь за плечами были Турция, Египет, лодки, катера, незнакомые снасти и рыбы, названия которых Стас иногда узнавал уже после того, как выкладывал фотографию в мужской чат.

Мужики обычно помогали.

Правда, редко приходили к единому мнению.

Стас к этому привык.

Он вообще за последние годы ко многому привык.

К самолётам.

К аэропортам.

К тому, что зимой можно положить куртку в чемодан и через несколько часов выйти в лето.

К английскому, которого вполне хватало, чтобы договориться о рыбалке, еде и погоде.

К морю за окном.

Даже к пальмам.

Поэтому в Таиланд он летел уже не туристом, которого следовало удивлять тропиками.

Он летел почти по делу.

У Славы здесь начиналось новое направление, а у Стаса имелась совершенно конкретная задача — разобраться, что представляет собой местная морская рыбалка и насколько она пригодна для человека, привыкшего получать от рыбалки удовольствие, а не туристическую услугу.

Таиланд встретил его жарой.

Стас вышел из аэропорта, вдохнул влажный воздух и остановился.

Жара здесь была другая.

Не египетская — сухая и прямолинейная.

Эта сразу обняла.

Крепко.

Вместе с рубашкой.

— Душевно, — сказал Стас.

Слава засмеялся.

— Привыкнешь.

— Я уже.

Привыкнуть Стас вообще умел.

Очень скоро он понял, что одного слова «Таиланд» совершенно недостаточно, чтобы представить себе эту страну.

Здесь были разные моря.

Разные города.

Разные ритмы жизни.

И даже люди, казалось, приезжали сюда за разными представлениями о счастье.

Была Паттайя.

Шумная.

Доступная.

Весёлая.

Немного уставшая и совершенно не стеснявшаяся этого.

По пляжу здесь хорошо было гулять.

Люди гуляли.

Сидели.

Ели.

Разговаривали.

Смотрели на море.

В море тоже заходили.

Преимущественно туристы.

Стас однажды посмотрел на воду, потом на купающихся, снова на воду и решил, что человечеству совершенно не обязательно повторять все подвиги друг друга.

Ему хватало берега.

Паттайя жила своей жизнью.

Громкой.

Плотной.

Разноязыкой.

Здесь всё было рядом.

Всё продавалось.

Всё предлагалось.

И почти обо всём можно было договориться.

Стасу было интересно.

Но основную работу Слава собирался разворачивать в другом месте.

На Пхукете.

Вот там всё менялось.

Другие пляжи.

Другое море.

Другой простор.

Другие цены.

На Пхукет летели не только лежать у бассейна.

Летели за островами.

Лодками.

Дайвингом.

Рыбалкой.

За теми самыми фотографиями, которые потом показывают друзьям со словами:

— Это мы туда сами добрались.

Хотя добирались обычно с водителем, капитаном, инструктором и человеком, который заранее купил билеты.

Стас одобрял такую организацию приключений.

Приключение вообще гораздо приятнее, когда кто-нибудь заранее проверил двигатель.

Красоты Пхукета особенно рекламировать не требовалось.

Море делало это самостоятельно.

Белый песок.

Зелёные острова.

Скалы, поднимающиеся прямо из воды.

Бухты.

Лодки.

И бесконечные оттенки синего, которые Жанна наверняка назвала бы совершенно разными цветами.

Для Стаса все они пока были синими.

Иногда — зелёными.

Он решил не спорить с искусством на расстоянии.

К тому же кино давно поработало за туристическую индустрию.

Людям хотелось увидеть острова и пляжи, похожие на те, которые они когда-то видели на экране.

Слава быстро понял главное.

Здесь не нужно было долго объяснять человеку, зачем ему ехать на остров.

Человек уже хотел.

Оставалось помочь ему сделать это хорошо.

Так Пхукет стал их основной базой.

Сначала была рыбалка.

Стас знакомился с местными рыбаками, изучал снасти, маршруты, лодки и особенности моря.

Потом появился дайвинг.

Вот здесь пришлось учиться обоим.

Слава подошёл к вопросу профессионально.

Стас — с любопытством.

Первое погружение несколько изменило его представление о море.

До этого море находилось сверху.

На него смотрели.

По нему ходили на лодке.

В него забрасывали снасть.

Иногда в нём плавали.

А теперь выяснилось, что основная часть моря всё это время вообще происходила без участия Стаса.

Под водой был другой мир.

Тихий.

Медленный.

Цветной.

Рыбы, которых прежде он рассматривал преимущественно с точки зрения размера и пригодности для ухи, здесь спокойно проплывали мимо и совершенно не интересовались его экспертным мнением.

Стасу понравилось.

Очень.

Вскоре дайвинг занял своё место среди их морских приключений.

А потом появились акулы.

Идея оказаться под водой рядом с акулами первоначально показалась Стасу сомнительной.

Не потому, что он боялся.

Просто за годы работы на рудниках он привык уважительно относиться к технике безопасности.

Особенно когда техника безопасности имела зубы.

Но погружения проводились с инструкторами, снаряжением, правилами и предварительной подготовкой.

Стас согласился.

В конце концов, человек не для того всю жизнь добывал бриллианты на Колыме, чтобы на пенсии испугаться рыбы.

Пусть даже довольно крупной.

Первое такое погружение запомнилось надолго.

Под водой привычная человеческая уверенность вообще несколько уменьшается.

Ты больше не самый быстрый.

Не самый сильный.

Даже дышишь благодаря баллону за спиной.

А рядом проходит акула.

Спокойно.

Красиво.

Совершенно не интересуясь твоей биографией, пенсионным стажем и размером накоплений.

Стас смотрел на неё и неожиданно чувствовал не страх.

Восторг.

Вот этого в его прежней жизни точно не было.

Потом появились фотографии.

И вот фотографии произвели эффект значительно больший, чем сами акулы.

Мужской чат замолчал.

Ненадолго.

Но для этого чата даже тридцать секунд молчания были серьёзным событием.

Первым пришло сообщение:

— Ты совсем с ума сошёл?

Стас улыбнулся.

Следующее:

— Это настоящая?

Стас посмотрел на фотографию, где рядом с ним совершенно убедительно находилась акула.

— Нет, — написал он. — Карась. Ракурс удачный.

Чат взорвался.

Мужики рассматривали фотографии.

Увеличивали.

Задавали вопросы.

Требовали видео.

И пытались понять, в какой момент обычная пенсия их приятеля свернула куда-то совершенно не туда.

У большинства всё было понятнее.

Дача.

Огород.

Шашлык.

Пиво.

Иногда рыбалка.

Всё достойно.

Всё заслуженно.

А Стас почему-то менял страны, осваивал моря, разговаривал с иностранцами, нырял с аквалангом и теперь ещё фотографировался с акулами в Индийском океане.

Кто-то написал:

— Нормальные люди на пенсии помидоры выращивают.

Стас задумался.

Помидоры он уважал.  
Особенно с солью.  
Но возвращаться ради них с Пхукета пока не собирался.  
— Каждому своё, — ответил он.  
И отправил ещё одну фотографию.  
На этот раз с моря.  
Стас убрал телефон и посмотрел вокруг.  
Перед ним лежал Индийский океан.  
Где-то очень далеко остался дом за МКАДом.  
Гараж.  
Баня.  
Большой телевизор.  
Ортопедический матрас.  
Жёлтые огни вечерней трассы.  
Всё это по-прежнему принадлежало его жизни.  
Ничего не исчезло.  
Просто жизнь вдруг оказалась гораздо больше, чем Стас когда-то для неё запланировал.  
Он столько лет добывал из земли чужие будущие бриллианты.  
А теперь, похоже, пришло время собирать собственную россыпь.  
Море.  
Дороги.  
Страны.  
Люди.  
Рыбалка.  
Даже акулы.  
Стас усмехнулся.  
Хорошая всё-таки штука — пенсия.  
Если правильно ею распорядиться.  
После фотографий с акулами мужики некоторое время обсуждали состояние Стасовой головы.  
Потом успокоились.  
Человек ко всему привыкает.  
Даже к тому, что его приятель на пенсии вместо выращивания помидоров ныряет в Индийский океан.  
Но вскоре возник другой вопрос.  
— Ты там вообще где живёшь?  
Стас удивился.  
Почему-то за всеми рыбами, морями, лодками и фотографиями закатов бытовая сторона его международной жизни действительно оставалась за кадром.  
Он охотно восполнил пробел.  
В Турции сотрудников размещали в бунгало прямо на территории отеля.  
Это Стасу нравилось.  
Вышел из собственного домика — и ты уже на курорте.  
Бассейны.  
Рестораны.  
Море.  
Вся гостиничная инфраструктура.  
И тот самый all inclusive, который позволял взрослому человеку некоторое время вообще не задумываться о происхождении еды.

В Египте была квартира-студия в старой части города, недалеко от рынка.

Совсем другая жизнь.

Запахи специй.

Лавки.

Шум.

Люди.

Улица, которая начинала жить своей жизнью именно тогда, когда туристические автобусы уже развозили отдыхающих по отелям.

В каждой стране были свои особенности.

Но одно условие семья соблюдала неукоснительно.

Каждому — своё жильё.

Стас, Жанна и Слава прекрасно проводили время вместе.

Могли путешествовать.

Ужинать.

Работать.

Ездить на экскурсии.

Проводить друг с другом целые дни.

Но вечером каждый предпочитал закрыть дверь собственного жилища.

Приватность семья ценила давно.

Наверное, ещё с тех времён, когда троим характерам приходилось уместаться в двух комнатах.

Поэтому никакой романтики совместного проживания ради экономии они не признавали.

Отдыхать друг от друга тоже нужно было с комфортом.

У Стаса имелось ещё два обязательных требования.

Хорошая кровать.

И холодильник.

Желательно наполненный.

Русская привычка иногда захотеть чего-нибудь вкусного после двенадцати ночи прекрасно пережила смену стран и континентов и совершенно не собиралась считаться с географическими особенностями.

Стас вообще считал, что глобализация человечества должна начинаться с холодильника.

На Пхукете ему досталась квартира-студия на пятнадцатом этаже кондоминиума.

Слава жил рядом.

В соседней квартире на том же этаже.

Первым делом Стас проверил кровать.

Кровать была хорошая.

Потом холодильник.

Холодильник работал.

После этого можно было осматривать вид.

Стас вышел на балкон.

И задержался.

Море лежало впереди.

Огромное.

Спокойное.

Уходящее за горизонт.

Днём оно меняло оттенки, а вечером солнце медленно опускалось к воде, и небо становилось таким, что даже Стас, обычно не склонный обсуждать тонкости цвета, некоторое время молчал.

Потом достал телефон.  
Мужской чат получил фотографию.  
— Это с балкона.  
Мужики ахнули.  
Через минуту кто-то всё-таки нашёл слабое место.  
— А говорил, в многоэтажку тебя не загонишь.  
Стас рассмеялся.  
Действительно говорил.  
Когда-то сама мысль о том, чтобы поменять простор за МКАДом на квартиру среди множества соседей, казалась ему сомнительным достижением цивилизации.  
Он вышел на балкон ещё раз.  
Посмотрел вниз.  
Потом вперёд.  
Сфотографировал бассейн.  
Отправил.  
Следом — территорию кондоминиума.  
Потом клубную зону.  
Фитнес.  
— В такую многоэтажку я не против поселиться, — написал Стас.  
И добавил несколько смеющихся рожиц.  
Мужики не сдавались.  
— Зато шашлык не сделаешь.  
Стас уже вошёл во вкус.  
Через несколько минут в чат отправилась фотография оборудованной зоны барбекю.  
Наступила пауза.  
— Ну и что? Всё равно за каждой мелочью куда-то ехать надо.  
Стас спустился на первый этаж.  
Сфотографировал рестораны.  
Кафе.  
Прачечную.  
Парикмахерскую.  
Массажный салон.  
Пункт аренды байков и машин.  
Стойку, где можно было заказать такси и различные услуги.  
Отправил всё сразу.  
— Ещё вопросы?  
Мужики некоторое время молчали.  
Потом самый стойкий написал:  
— Огород где?  
Вот тут Стас признал поражение.  
Огорода не было.  
Но через дорогу был океан.  
Стас решил, что обмен в целом получился равноценным.  
Пляж начинался почти сразу за территорией кондоминиума.  
Вдоль моря тянулись ухоженные дорожки, по которым можно было идти долго, никуда особенно не направляясь.  
Стас полюбил эти прогулки.  
Утром жара ещё не успевала набрать силу.  
Море дышало рядом.

Дул лёгкий бриз.  
Открывались кафе.  
Появлялись первые продавцы фруктов.  
Арбуз продавали уже нарезанным.  
Аккуратными треугольниками.  
В пакетиках.  
С деревянной шпателькой.  
Стас оценил организацию.  
Арбуз вошёл в утренний рацион почти сразу.  
Он покупал пакетики, шёл вдоль моря пару километров, потом выбирал прибрежное кафе.  
Завтракал.  
Пил кофе.  
Смотрел на воду.  
И возвращался домой.  
К полудню улица становилась слишком жаркой.  
Стас довольно быстро понял местный распорядок и без необходимости с солнцем не спорил.

Самое жаркое время можно было прекрасно провести в квартире.  
Проверить бронирования на предстоящие рыбалки.  
Позвонить капитану.  
Уточнить количество людей.  
Ответить туристам.  
Написать Славе, хотя Слава находился буквально за соседней дверью.  
Иногда это было удобнее.  
Примерно к четырём Стас спускался к бассейну.  
Плавал.  
Отдыхал.  
Иногда занимался на тренажёрах.  
Он вообще стал внимательнее относиться к себе.  
Тайская жизнь была довольно открытой.  
В прямом смысле слова.  
Шорты.  
Майки.  
Пляжи.  
Бассейны.  
Торсы самых разных национальностей.  
И Стас довольно быстро пришёл к выводу, что демонстрировать миру бесформенное тело только потому, что ты вышел на пенсию, совершенно необязательно.  
Мужики дома могли позволить себе не бриться, ходить по огороду в старых семейных трусах и считать это заслуженной свободой.  
У Стаса свобода выглядела иначе.  
Хорошие шорты.  
Майка без рукавов.  
Сандалии.  
Загар.  
Нормальная стрижка.  
Бассейн несколько раз в неделю.  
Он выглядел современно, чувствовал себя хорошо и никакого противоречия между пенсией и зеркалом не видел.

Мужики быстро оценили перемены.  
После очередной фотографии кто-то написал:  
— Босоногий мальчик.  
Прозвище прижилось.  
Стас не обижался.  
Наоборот.

В его возрасте слово «мальчик» можно было считать комплиментом практически в любом контексте.

Каждое утро Босоногий мальчик выходил к океану.  
А вечером отправлял мужикам очередной репортаж.  
Постепенно он стал для них чем-то вроде персонального окна в тропики.  
У кого-то за окном шёл дождь.  
Кто-то чистил снег с машины.  
Кто-то ехал на дачу.  
А Стас присылал море.  
Закат.  
Лодку.  
Рыбу.  
Тарелку с фруктами.  
Мужики ворчали.  
Подкалывали его.  
И неизменно рассматривали каждую фотографию.  
Сам Стас тем временем осваивал не только море.  
Со Славой он ездил на экскурсии.  
Храмы.  
Пагоды.  
Монахи в шафрановых одеждах.  
Бангкок.  
Океанариумы.  
Рынки.  
Рестораны.  
Смотровые площадки.  
Острова.

Всё то, что туристическая программа тщательно собирает для человека, чтобы за несколько дней успеть его удивить.

Стас смотрел с удовольствием.  
Но постепенно замечал одну интересную вещь.  
Он уже не был обычным туристом.  
Турист фотографировал.  
Стас запоминал дорогу.  
Турист спрашивал, где поесть.  
Стас уже знал.  
Турист выяснял, сколько стоит такси.  
Стас называл адрес.  
Турист пытался понять, как поздороваться.  
Стас уже здоровался.  
Тайский язык давался ему понемногу.  
Несколько слов.  
Здравствуйте.

Спасибо.

Вкусно.

Несложные фразы, которые не позволяли поддержать серьёзную беседу, зато удивительно хорошо располагали к себе людей.

Особенно слово «спасибо».

Стас вообще обнаружил, что в чужой стране благодарность иногда работает лучше хорошего произношения.

Ему нравилась здешняя вежливость.

Нравилась неторопливость.

Нравилось, что многие вещи решались без той внутренней готовности к борьбе, которую он сам долго считал совершенно естественным состоянием взрослого человека.

Он наблюдал.

Привыкал.

Не торопился сравнивать.

Просто жил.

Даже давний вопрос с дурианом однажды разрешился.

На фруктовой ферме Стас наконец оказался перед ним лицом к лицу.

Столько лет человечество предупреждало его об этом моменте, что он ожидал почти испытания.

Ничего страшного не произошло.

Дуриан оказался очень достойным.

Более того — вкусным.

Стас попробовал ещё кусочек.

Потом другой сорт.

Оказалось, что дурианы тоже бывают разными.

Как яблоки.

Как груши.

Как люди.

Некоторые пахли сильнее.

Некоторые мягче.

А существование сортов с куда менее вызывающим ароматом окончательно разрушило многолетнюю легенду, которую мужики когда-то так старательно изучали перед первой поездкой приятеля.

Стас немедленно написал в чат:

— Зря вы на дуриан наговаривали.

Ответ пришёл мгновенно:

— Ты же спрашивал: «Зачем?»

Стас посмотрел на кусочек в руке.

— Теперь знаю зачем.

И съел.

Дуриан неожиданно стал одним из фаворитов.

Но фруктовых открытий оказалось гораздо больше.

Мангостины.

Личи.

Джекфрут.

Карамбола.

И, конечно, манго.

Вот здесь Стасу пришлось признать, что много лет он был введён в заблуждение.

Манго, которое он когда-то покупал в Москве, казалось ему одновременно кислым, твёрдым и немного мыльным.

Он не понимал, почему человечество так им восхищается.

На Пхукете вопрос был снят после первого нормального спелого плода.

Стас попробовал.

Посмотрел на Славу.

Попробовал ещё раз.

— А мы точно это в Москве манго называли?

Слава засмеялся.

Началась ещё одна маленькая перестройка мира.

Таких перестроек становилось всё больше.

Стас не заметил момента, когда перестал осваивать Таиланд и начал в нём жить.

Просто однажды оказалось, что у него здесь есть свой утренний маршрут.

Своё кафе.

Своя квартира.

Свой бассейн.

Знакомые продавцы.

Работа.

Люди, которым можно позвонить.

Люди, которые звонят ему.

Любимые фрукты.

Слова на местном языке.

И балкон, с которого он уже почти перестал фотографировать закаты.

Не потому, что они стали хуже.

Просто невозможно каждый вечер фотографировать собственный вид из окна.

Даже если он фантастический.

Стас становился фарангом.

Не туристом.

И ещё одна мысль постепенно начинала казаться ему совершенно разумной.

Слава взрослый.

С Египтом прекрасно справится сам.

В Турцию Стас, конечно, слетает.

Почему бы и нет.

Как раз в Таиланде начнутся самые жаркие и дождливые месяцы.

Можно сменить погоду.

Море.

Страну.

Квартиру.

Провести некоторое время в Турции.

А потом вернуться.

Именно слово «вернуться» Стас пока не заметил.

Оно появилось само.

Дом за МКАДом по-прежнему был домом.

Там стояла его кровать.

Ждал большой телевизор.

Был гараж.

Баня.

Флигель Жанны.

Вся прежняя, любимая, прекрасно устроенная жизнь никуда не исчезла.

Просто теперь у Стаса появилось ещё одно место, из которого он тоже мог уехать.

И в которое почему-то уже хотелось возвращаться.

Слава тем временем продолжал расширять границы гостеприимства.

Оказалось, что туристу мало показать страну.

Иногда после этого он хочет в ней остаться.

Хотя бы на зиму.

А иногда — купить что-нибудь такое, что позволит возвращаться снова и снова и при этом ещё приносить деньги, пока хозяин находится дома.

Так в их жизни появилась недвижимость.

Новостройки.

Кондоминиумы.

Виллы.

Целые посёлки, в которых человеку предлагали не просто квадратные метры, а готовый образ жизни.

Бассейн.

Терраса.

Пальмы.

Охрана.

Управляющая компания.

Море неподалёку.

И особенно приятная часть рассказа — возможность получать доход в то время, когда сам владелец своими владениями не пользуется.

Стаса эта тема заинтересовала.

Первое время они со Славой ездили смотреть объекты сами.

Работа Стасу понравилась сразу.

Одно дело — рассматривать фотографии.

Другое — приехать.

Открыть дверь.

Пройти по комнатам.

Выйти на террасу.

Посмотреть, куда выходит спальня, сколько солнца попадает в гостиную, где стоит кондиционер и насколько далеко придётся идти ночью до холодильника.

Последний пункт Стас считал незаслуженно недооценённым специалистами по недвижимости.

Слава говорил о площади, инфраструктуре, управляющей компании и возможной доходности.

Стас проверял жизнь.

— Кухня маленькая, — замечал он.

— Здесь обычно не готовят.

Стас смотрел на сына.

— Все когда-нибудь готовят.

Слава записывал.

В другом доме Стас открывал дверь спальни.

Ложился на кровать.

— Пап...

— А как я людям буду рекомендовать то, на чём сам не лежал?

Аргумент был убедительным.

Постепенно они научились смотреть на недвижимость вдвоём.

Слава видел объект.

Стас видел дом.  
Потом появились первые заинтересованные туристы.  
Человек приезжал на две недели к морю, а через несколько дней вдруг обнаруживал себя в машине со Славой и Стасом по дороге смотреть виллу.  
Стас находил в этом определённую логику.  
Сначала человеку показывают рай.  
Потом предлагают приобрести в нём квадратные метры.  
Хорошо придумано.  
Особенно много вопросов возникало о том, как вообще здесь жить подолгу.  
Визы.  
Сроки.  
Продления.  
Возраст.  
Недвижимость.  
Возможности для тех, кто уже вышел на пенсию, и для тех, кому до неё ещё далеко.  
Слава разбирался в правилах, консультировался со специалистами и сразу предупреждал клиентов, что визовые и имущественные вопросы лучше оформлять не по советам из интернета, а с людьми, которые отвечают за документы профессионально.  
Стас одобрял.  
Он вообще считал, что приключения хороши на рыбалке.  
В документах приключений быть не должно.  
С недвижимостью тоже существовали свои особенности.  
Очень быстро выяснялось, что привычное русскому человеку понятие «купить дом» здесь требует дополнительных объяснений.  
Дом — одно.  
Земля под ним — совсем другое.  
Существовали аренда, долгосрочные договоры, компании, квартиры в кондоминиумах и другие способы устроить свою жизнь в соответствии с местными правилами.  
Стас слушал всё это без особого испуга.  
Его поколение вообще трудно было удивить словом «схема».  
Девяностые годы научили смотреть на устройство мира широко.  
Если существует «нельзя», русский человек прежде всего хочет выяснить, что именно нельзя, кому нельзя и нельзя ли всё-таки как-нибудь правильно.  
Главное — чтобы потом не пришлось объяснять широту мышления в суде.  
Поэтому Слава снова возвращал разговор к юристам.  
Стас не спорил.  
Мир вообще менялся.  
Когда-то люди снимали дачи.  
Потом покупали дачи.  
Теперь можно было иметь дачу на другом конце света.  
Почему бы и нет?  
Стас ходил по очередной вилле.  
Просторная гостиная.  
Три спальни.  
Кухня.  
Стеклянные двери выходили к небольшому бассейну.  
За бассейном начиналась зелень.  
Тихо.  
Красиво.

Он постоял на террасе.  
Такую дачку Стас иметь бы не отказался.  
Мужики могли бы приезжать.  
Вот это был бы чат.  
Не виртуальный.  
Настоящий.  
Утром море.  
Днём бассейн.  
Вечером рыбалка.  
Потом барбекю.

Стас уже почти видел, как человек пять его старых приятелей сидят возле бассейна и спорят, правильно ли он выбрал виллу.

Телефон пришлось бы отложить.  
Все комментарии звучали бы непосредственно с соседнего кресла.  
— Хорошо придумали, — сказал Стас Славе. — Но я ещё присмотрюсь.  
Стас умел хотеть не торопясь.

Жанна тем временем никакого желания немедленно обзавестись тайской дачей не демонстрировала.

Она прилетала.  
Жила некоторое время.  
Работала.  
Фотографировала.  
Рисовала.  
Но Таиланд не становился для неё таким же естественным, как для Стаса.  
Ей не нравилась влажность.  
Не нравились некоторые запахи центральных улиц.  
Утомляли долгие перелёты.  
Раздражал тайглиш, который Стас уже научился воспринимать совершенно спокойно.  
Жанна никак не могла поймать этот местный ритм.  
Плавный.  
Неторопливый.

Немного похожий на регги, где никто не собирался ускоряться только потому, что тебе так привычнее.

Стас не убеждал.  
Слава тоже.

В семье вообще давно перестали считать, что счастье обязательно должно быть коллективным и находиться по одному адресу.

Жанна прилетала на несколько недель.  
Они снова становились семьёй в одной точке мира.  
Катались на катамаране по островам.  
Находили тихие пляжи.  
Фотографировали.  
Купались.  
Обедали где-нибудь у воды.  
Жанна ловила свет.  
Стас ловил рыбу.  
Слава ловил клиентов.  
Каждый занимался своим.  
Иногда они просто сидели втроем у моря.

Ничего особенного не происходило.  
И, наверное, именно поэтому было хорошо.  
Потом Жанна снова улетаала.  
В Турцию.  
Иногда в Египет.  
Иногда домой.  
Туда, где её ждали собственные клиенты, картины, флигель и жизнь, которая нравилась именно ей.  
Стас оставался.  
Никто никого не тянул за собой.  
Никто никого не спасал.  
Никто не выяснял, где семье положено находиться, чтобы считаться семьёй.  
Самолёты прекрасно справлялись с расстояниями.  
Телефон — с разговорами.  
А любовь, как выяснилось, вообще не особенно интересовалась географией.  
Во время одного из приездов Жанна всё-таки согласилась посмотреть несколько домов.  
Стас воспринял это как хороший знак.  
Но виду не подал.  
Они приехали на виллу с бассейном.  
Жанна прошлась по комнатам.  
Вышла на террасу.  
Посмотрела на воду.  
Потом на зелень.  
Потом снова на дом.  
Стас молчал.  
Слава тоже проявил профессиональную выдержку.  
— Здесь можно мастерскую сделать, — наконец сказала Жанна.  
Стас едва заметно улыбнулся.  
Вот теперь разговор становился предметным.  
Они посмотрели ещё несколько вариантов.  
Жанна фотографировала.  
Спрашивала.  
Прикидывала, откуда будет падать свет.  
Стас проверял кухни.  
Слава рассказывал о цифрах.  
Решения так и не приняли.  
И это всех устроило.  
Посмотрим ещё.  
Подумаем.  
Куда торопиться?  
Рай от них никуда не убегал.  
А в мужском чате тем временем началась настоящая эпидемия тайской недвижимости.  
Сначала мужики просто интересовались ценами.  
Потом кто-то попросил прислать варианты.  
Другой спросил, сколько стоит небольшая квартира.  
Третий внезапно заинтересовался виллой с двумя спальнями.  
— Тебе зачем две? — спросили его.  
— Вы приедете.  
Аргумент был принят.

Стас присылал фотографии.

Слава — характеристики.

Мужики обсуждали бассейны, расстояние до моря, кухни, террасы и стоимость содержания с такой серьёзностью, словно завтра собирались коллективно переселиться в Таиланд.

Постепенно в разговорах вместо слова «недвижимость» появилось более понятное:

Тайская дача.

Вот это сразу расставило всё по местам.

Кондоминиум — непонятно.

Инвестиционный объект — подозрительно.

Вилла — немного претенциозно.

А тайская дача — хорошо.

Сразу понятно, для чего она нужна.

Приехать зимой.

Пожить.

Позвать друзей.

Пожарить что-нибудь вечером.

Сходить к морю.

Потом закрыть дверь и уехать домой.

А если в твоё отсутствие она ещё и приносит деньги — совсем прекрасно.

— Почему бы и нет? — написал кто-то.

Стас улыбнулся.

Почему бы и нет.

Шорты у мужиков уже были.

Можно сказать, половина дела сделана.

Оставалось совсем немного.

Купить билеты.

Прилететь.

А дальше здесь был Стас.

Он встретит.

Покажет.

Объяснит.

Научит покупать нормальное манго.

Предупредит, когда лучше не выходить на солнце.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.